

Л. Ф. НЕЛИДОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОНЧАРОВЕ И ТУРГЕНЕВЕ

Предисловие и публикация А. Д. Алексеева

Автор публикуемых воспоминаний Лидия Филипповна *Нелидова* (рожд. Королева, в первом браке Ломовская, во втором Маклакова; 1851—1936) — писательница, сотрудничавшая в журналах «Вестник Европы», «Неделя», «Мир божий», «Русская мысль» и др. Встречаясь со многими замечательными людьми, Нелидова о некоторых из них оставила свои мемуары: «Воспоминания об И. С. Тургеневе» («Русские ведомости», 1884, № 238, 239), «Памяти И. С. Тургенева» («Вестник Европы», 1909, № 9), «Встречи с Н. А. Некрасовым» («Русское богатство», 1894, № 12), «Памяти П. А. Стрепетовой» («Русская мысль», 1903, № 12), «А. И. Эртель в его письмах» («Русская мысль», 1909, № 1), «Памяти Г. А. Лопатина» («Голос минувшего», 1923, № 3) — и неопубликованный при ее жизни биографический роман о В. А. Слепцове «На малой земле» (ЛН, т. 71). Нелидова была хорошо знакома с Я. П. Полонским, И. А. Гончаровым, А. Г. Рубинштейном, К. Ю. Давыдовым, была гражданской женой В. А. Слепцова в последние годы его жизни.

Живя в начале 1870-х годов некоторое время в Швейцарии, Нелидова постоянно общалась с Л. И. Мечниковым и с деятелями русской революционной эмиграции. Среди ее многочисленных адресатов были И. С. Тургенев, Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, П. Д. Боборыкин, М. Н. Альбов, Н. Н. Златовратский, А. И. Иванчин-Писарев, Г. И. Успенский, В. О. Ключевский, А. И. Сумбатов-Южин, П. С. Соловьева, К. И. Чуковский.

Значительный след в ее жизни оставили встречи и переписка с Тургеневым (сохранилось пять писем Тургенева к ней. — См.: *Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2; письма Нелидовой к Тургеневу неизвестны).

Прочитав в октябрьской книжке «Вестника Европы» за 1879 г. первую повесть Нелидовой «Полоса», подписанную инициалами Л. Н., Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 8/20 октября 1879 г.: «...сейчас я кончил «Полосу» — и поздравляю вас с приобретением настоящего, свежего и сильного таланта. Кто этот Л. Н.? (...) По выработанности языка — по твердости и почти мастерству рисунка — я не считаю его слишком молодым человеком — и «Полоса» не первая его работа — хотя, быть может, и первая напечатанная (...) как верно намечены все характеры, какая правда и поэзия в описаниях и сравнениях — и как все это выхвачено из жизни — но не пошло реалистическим образом à la Zola — а характерно, типично! Еще раз поздравляю вас — и, если это может доставить автору малейшее удовольствие, передайте ему мое мнение. Надо теперь ему затеять ббльшую вещь: у него для этого все нужное. Назовите мне его имя, если возможно» (там же, с. 149—150). Узнав от Стасюлевича настоящее имя автора, Тургенев столь же восторженно отзывался о «Полосе» в письмах к П. В. Анненкову от 27 октября/8 ноября и 13/25 ноября 1879 г. «Я постараюсь с ней познакомиться», — писал он в последнем (там же, с. 161 и 177).

Столь высокая оценка Тургеневым повести «Полоса» была не случайной — Тургенев не ошибся, угадав в ней «мужскую руку». Это была рука В. А. Слепцова. Находясь на излечении в Пятигорске, Слепцов писал Нелидовой 29 июня 1877 г.: «Повесть свою пришли мне с самого начала, иначе я не могу поправлять. Надо так ее выгладить, чтоб уж ни сучка, ни задоринки». 25 сентября того же года он снова напоминает ей: «Жду присыла рукописи твоей, я бы теперь с особенным удовольствием занялся ею» (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, № 271). И хотя повесть Слепцовым не названа, вне всякого сомнения, речь шла о «Полосе».

В действительности талант Нелидовой, несмотря на успех «Полосы», не был выдающимся. И Тургенев в этом вскоре убедился, ибо последующие ее произведения уже не могли вызвать столь высокой его оценки.

Познакомился Тургенев с Нелидовой в конце января или в начале февраля 1880 г., по приезде в Петербург, через своего друга А. В. Топорова. «Мне не нужно уверять вас, что мое знакомство с вами оставило во мне самые приятные воспоминанья и что отныне на свете стало одним человеком больше, который внимательными и дружелюбными глазами будет следить за вашей жизнью и вашей деятельностью», — писал он ей 21 февраля/4 марта 1880 г. (там же, с. 217). Нелидова обращалась к Тургеневу за литературными советами, в частности в связи с начатой ею работой над романом «На малой земле», и Тургенев весьма благожелательно, а подчас и критически ей отвечал. «Пишите горячо, просто, страстно и серьезно... все остальное приложится вам. *Пишите* — а не *описывайте*, как бы поэтично это у вас ни выходило», — писал он ей 14/26 мая 1880 г. (там же, с. 254).

Последняя встреча Нелидовой с Тургеневым состоялась в Москве в июне 1880 г., после пушкинских торжеств, перед отъездом Тургенева в Спасское.

О знакомстве Нелидовой с Гончаровым до сего времени мы не располагали какими-либо данными, если не считать одного сохранившегося письма Гончарова к Нелидовой от 26 марта 1883 г., в котором Гончаров выразил желание прослушать ее «Письма из Феодосии» (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 103). По дате этого письма, а также по упоминанию Нелидовой о том, что «еще свежо было в памяти впечатление недавней потери Тургенева», умершего 22 августа 1883 г., можно заключить, что посещения Нелидовой Гончарова, а следовательно, и наиболее близкое их общение продолжалось в течение всего 1883 г.

Время, когда были написаны публикуемые воспоминания, точно определить не удалось. Мы располагаем машинописным текстом их с авторской правкой — он может быть отнесен к 1920-м — началу 1930-х годов. Почерк и чернила авторских исправлений схожи с почерком и чернилами письма Нелидовой к К. И. Чуковскому от 16 июня 1931 г. Этот экземпляр воспоминаний Нелидова дала Чуковскому, по-видимому, в то же время, когда последний получал от нее материалы по В. А. Слепцову. За несколько лет до своей смерти К. И. Чуковский передал его редакции «Литературного наследства» для возможного опубликования. После выхода настоящего тома авторский экземпляр воспоминаний Нелидовой возвращен в архив К. И. Чуковского.

В публикацию не включена четвертая глава воспоминаний, в которой Нелидова рассказывает о своем пребывании в Париже в 1887 г. и о посещении Полины Виардо в ее доме на улице Douai.

О «МИЛЫХ СПУТНИКАХ»

О милых спутниках, которые сей свет
Присутствием своим для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию — были!

В. Жуковский¹

I

— Хотите ли вы познакомиться с Гончаровым? — спросила меня Жозефина Антоновна Полонская (жена поэта) в одну из пятниц (приемный день), когда я сидела подле нее в гостиной и она знакомила меня с вновь входившими незнакомыми гостями.

Я живо повернулась к двери.

— Гончаров будет у вас сегодня?

— Нет, не будет. Он не выходит. У него болят глаза и он сам не может читать. Я взялась найти ему чтеца или чтицу.

— Ах, пожалуйста, чтитцу. Возьмите меня. Когда нужно читать, утром или вечером?

— Днем. Как раз во время вашей прогулки. Вы пройдете туда и обратно; это будет достаточно для моциона, а больше часу он вряд ли задержит вас. У него ведь все по часам; в пять часов он обыкновенно обедает.

Таким образом, все устроилось неожиданно и приятно для меня. Мне предстояло знакомство с знаменитым писателем, которого я любила, не так как Тургенева, меньше, конечно, но все же очень любила его «Обломова» и «Обрыв», любила язык его произведений и в некоторых из них ставила его не ниже тургеневского.

В детстве я познакомилась с ним, как и со всеми другими писателями, только по хрестоматии. Собрания сочинений не было у меня у руках, а в хрестоматии (не помню, Галахова или Филонова) я прочитала отрывок: «Сон Обломова»². Он поразил меня значительностью содержания, которую я тогда смутно чувствовала и еще не была в состоянии вполне оценить, а также красотой языка. Одну фразу я тогда же запомнила и она до сих пор удержалась в моей памяти:

«Настали минуты всеобщей торжественной тишины природы, те минуты, когда сильнее работает творческий ум, жарче кипят поэтические думы, когда в сердце живее всыхивает страсть или больнее ноет тоска и когда... в Обломовке все почивают так крепко и покойно».

Эти несколько фраз совершенно пленили меня в то время своей красотой, до такой степени пленили, что я декламировала их вслух и кончила тем, что вставила их в собственную повесть, которую писала в то время в течение уже нескольких недель. Повесть называлась: «Княжна Шаговская»³.

Было мне в то время, вероятно, лет 12—13, никак не больше. Поверенной моих литературных мечтаний и начинаний была моя сестра годом моложе меня; в большинстве случаев она разделяла мои вкусы. Я читала ей обыкновенно мои произведения, если, конечно, между нами не было ссоры в это время.

Сестра слушала внимательно, и, когда я кончила главу (повесть так и осталась неоконченной), она сказала:

— У тебя там это очень хорошо сказано: «настали торжественные минуты тишины природы...» Это очень хорошо, но ведь это Гончарова?

— Ну да, конечно, Что же из этого?

— Да разве можно так, взять чужое, что другой написал?

— Так разве я это буду скрывать! Я так и напишу, как это пишут всегда, в кавычках, чтобы все знали. Но ведь, пойми, это так идет к моему, к тому, что я теперь пишу, а, конечно, я же не сумею никогда так хорошо сказать. Всякому будет приятно, я думаю, лишний раз прочитать такие хорошие слова.

Помню, что Тургенев остался недоволен моими «Крымскими очерками»⁴, главным образом языком.

— Это все у вас гончаровщина, — говорил он, упрекая меня за слишком большую выложенность периодов и округленность фраз.

«Пишите горячо, серьезно, просто и страстно. Пишите, а не описывайте, как бы поэтично это у вас ни выходило».

Это был его драгоценный завет, написанный в одном из писем его ко мне.

Я знала о враждебных отношениях, установившихся между двумя знаменитыми писателями, и с интересом думала, на чьей же стороне буду я сама при личном знакомстве.

Оно состоялось зимой 1883 года⁵. Ж. А. Полонская сама пришла за мной, и мы отправились с нею на Моховую № 3, где жил тогда Гончаров.

И. А. ГОНЧАРОВ В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ

Рисунок П. Ф. Бореля (перо), 1891

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

У меня осталось впечатление чего-то тусклого, обыденного от вида квартиры и обстановки, также и от самого кабинета, где мы застали Ивана Александровича.

Навстречу нам поднялся с кресла довольно полный, среднего роста человек в широком застегнутом пиджаке, скорее напоминавшем пальто. Знакомые портреты хорошо передавали черты и выражение лица. Оно было спокойное и приветливое.

Болезнь глаз в ту пору не проявлялась внешними признаками, но на столе, на книгах лежал зеленый глазной зонтик и очки, вынутые из футляра.

Моя милая спутница тотчас же покинула нас, отрекомендовав меня Ивану Александровичу как прекрасную чтицу; у нее было по обыкновению множество собственных хозяйственных дел.

Мы остались вдвоем.

Сердце у меня вдруг беспокойно забилося. Что он заставит меня читать? Может быть, не читать, а декламировать? Может быть, он любит стихи? Заставлял же Тургенев читать Пушкина. Может быть, Лермонтова «Демона», «Хаджи Абрека»? Или кого-нибудь из новых, Надсона, Фруга?

Гончаров взял со стола номер «Нового времени» и попросил меня прочитать ему биржевой отдел.

В первый раз в течение моей в ту пору еще недолгой жизни я читала этот отдел. От непривычки к цифрам я несколько раз сбивалась и ошибалась. Гончаров сейчас же замечал ошибку, терпеливо поправлял меня, и, когда я выразила свое удивление по поводу выбора чтения, он сказал:

— А как же! Ведь биржа это единственный верный показатель настоящего положения вещей. Болтать можно о чем угодно, бумага все терпит, а вот что рубль русский опять упал, это имеет значение, что бы ни печатал Суворин в своей газете. Вы какую газету предпочитаете?

Я читала в Москве «Русские ведомости». Мне иногда присылали их в Петербург, и я стала приносить их Ивану Александровичу, но он не

выказал особенного интереса и, видимо, предпочитал «Новое время», так что я перестала приносить. Зато «Новое время» мы читали сплошь, до объявлений включительно. Их Иван Александрович также считал настоящими, подлинными показателями жизни и современного положения.

— Живой голос жизни более любопытный и показательный, чем всякие фельетоны и «маленькие письма»⁶. В некоторых объявлениях бывают готовые сюжеты для целых повестей — знаете, такие петербургские печальные повести во вкусе Достоевского. Вы любите Достоевского?

Он остался доволен тем, что я не очень люблю.

— У вас не было бы такого вида, если бы вы любили очень, — продолжал он, внимательно приглядываясь ко мне. — Но кого-нибудь вы должны же любить?.. Лизу из «Дворянского гнезда»?

— Не только Лизу, но и Веру и Марфиньку и бабушку из «Обрыва» и Обломова.

— Спасибо, спасибо!

Он улыбнулся ласковой улыбкой.

— Мне сказали, что вы сами пишете. Принесите мне почитать что-нибудь из ваших произведений.

«Мои произведения» в то время, кроме детских книг, помещались все в двух номерах «Вестника Европы»⁷. Гончаров читал этот журнал, но не заметил и пропустил нового автора, подписавшегося инициалами. Я решила поправить дело. По моей неопытности это было не так легко. Мне было неизвестно право автора на отдельные оттиски.

Я продолжала дочитывать объявления, думая о том, где и каким путем мне достать книжку «Вестника Европы», когда дверь без стука открылась и в комнату вошла немолодая гладко причесанная женщина в серой юбке и черной кофточке и остановилась напротив стола.

— Кушать подано. Суп остынет.

Гончаров тотчас же поднялся. Он протянул мне руку и стал благодарить, торопливо провожая меня в переднюю, и осведомился на ходу, могу ли я прийти читать также и завтра?

Я обещала.

II

Я жила в те годы, как и всю мою предыдущую жизнь, в Москве и только на короткое время, на побывку, приезжала в Петербург.

Привлекали меня в Петербурге главным образом литературные знакомства. Их было больше и они были интереснее, нежели в Москве. Было несколько дружественных семейных домов и были одиночные близкие друзья.

Что стоил один дом поэта Якова Петровича Полонского!

Не считая приветливого отношения самих хозяев, как много новых, интересных людей я встретила у них на их знаменитых в то время патицах. Тургенев, Григорович, Лесков, Рубинштейн, Мережковский и Зинаида Гиппиус, Аверкиев с женой... всех не вспомню теперь⁸.

В своей небольшой повести «Единственный случай», помещенной в «Вестнике Европы» в 1882 году⁹, говоря об одном из своих героев, я написала «голос, как Давыдовская виолончель».

Карл Юльевич Давыдов был знаменитый в ту пору музыкант-виолончелист. Жена его Александра Аркадьевна читала мою повесть, заметила фразу и пожелала непременно познакомиться с автором. Нашлись общие друзья. Между ними на первом месте — Анна Николаевна Энгельгардт, жена сосланного в ту пору в свое имение Батищеву профессора Александра Николаевича Энгельгардта, автора «Писем из деревни»¹⁰. Но как она, так и Александра Аркадьевна представляют собой слишком сложные и яркие фигуры, и я надеюсь посвятить им особые очерки.

Знакомство состоялось в 1882 году, и сколько чудесных, незабвенных вечеров оно дало мне в большой зале прекрасной давидовской квартиры. Довольно сказать, что играли Давыдов и Антон Рубинштейн, романсы Шумана пела Рааб¹¹ и аккомпанировал ей тот же Антон Григорьевич, и он же играл один, изумительно, вдохновенно... Никогда раньше я не слыхала такой музыки.

А кругом, на диванах и креслах, в уютных уголках, в мягком освещении в то время еще керосиновых ламп под длинными абажурами, от-вернувшись к стене, или опустив голову на руки, сидели и слушали потрясенные слушатели, скромная учительница рядом с великим князем...

Пре красная хозяйка в чепчике с красным бархатным бантиком об-ходила гостей, довольная впечатлением.

После музыки часть публики разъезжалась. Остальные оставались и ужинали.

Рубинштейн удалялся менять рубашку, чтобы не простудиться. Она была мокрая, как после усиленной физической работы.

Утомленные артисты охотно приступали к ужину. Слышались весе-лые, иногда двусмысленные шуточки, помню что-то насчет «ложечки и боли под ложечкой»...

Роль сыграна, эстрада пуста... «и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он»¹².

Меня посадили за ужином рядом с хозяином. С первых же слов я на-чала говорить Карлу Юльевичу о своем восхищении его игрой, но он резко перебил меня.

— Ах, пожалуйста, будем говорить о чем угодно, только не о моей игре. Почему-то принято думать, что с артистами нужно говорить непре-менно о их специальности. Это большая ошибка. Я кончил. Моя специаль-ность осталась вон там в футляре, в моем кабинете.

Я заметила, как он бережно уложил виолончель в футляр и сам вынес ее из гостиной в кабинет.

— Как будто уж мы такие односторонние люди, что ничто другое не-доступно нам. Давайте говорить... о «Вестнике Европы», о вашей повести.

— Я всю жизнь буду благодарна ей. Ведь благодаря одной фразе из нее я попала сюда, — говорила я, с восхищением обводя глазами ярко освещенную комнату.

Все мне здесь казалось восхитительным. В ту пору я не успела еще вполне оценить справедливость английской поговорки о скелете: «В каж-дом доме есть свой скелет»¹³. Я не допускала мысли о нем в этом доме, где литература занимала место рядом с музыкой и представители их со-единялись за одним дружеским столом.

Пили здоровье хозяйки, здоровье артистов, гостей.

Красный чудесный бантик мелькал повсюду, то здесь, то там.

Кто-то декламировал новое, еще не напечатанное стихотворение Над-сона.

Часы показывали два, три часа...

III

В салоне Александры Аркадьевны я встретила на ту пору А. Ф. Кони, который говорил со мною о болезни Гончарова.

Еще свежо было в памяти впечатление недавней потери Тургенева, только что прошел слух о том, что Гончаров начал и пишет новый роман, и вот болезнь могла помешать работе.

Сама я во время своих посещений не замечала никаких особых пере-мен. Так же задумчиво, философски спокойно смотрели бледно-голубые, словно выцветшие старческие глаза.

Кроме меня, по вечерам ему читал еще кто-нибудь другой. Прочитали мой очерк «Полоса» и «Крымские письма». Иван Александрович похвалил их, написал лестный отзыв на визитной карточке и подарил мне свою последнюю книгу «Четыре очерка»¹⁴, но до последнего дня мы оставались далеки и чужды друг другу, как в первый день знакомства.

Он был неразговорчив, казался удрученным и озабоченным. Главная забота была болезнь. Под конец жизни он лишился одного глаза.

Но и помимо этого — неизменный биржевой отдел, предобеденный час, чудесная погода за окном и мрачная комната, все это не располагало к беседе. Я добросовестно дочитывала последнюю страницу, складывала газету аккуратно на столик и торопилась уходить.

Совсем иначе было с Тургеневым! Какие удивительные вечера я проводила у неуклюжего дивана с деревянной спинкой, в обществе верного Топорова * или еще кого-нибудь из друзей и посетителей.

Случалось, что Иван Сергеевич бывал не в духе, нога болела и он слишком страдал, но если боль проходила, он весь оживлялся и разговор блистал и искрился, как фейерверк. Мне жаль, что я не сумела с точностью записать тогда же счастливые выражения, интересные рассказы и сравнения, которые так легко и свободно вырывались у него и, видимо, не стоили ему ни малейшего напряжения мысли.

Неприятно иногда было чувствовать себя предметом его наблюдений и изучений как представительницы молодого поколения, а это случалось не один раз. Он рассказывал при мне двусмысленные и рискованные вещи, и я видела, что он наблюдает, как я это слушаю.

Помню рассказ:

«В большом провинциальном городе остановились в гостинице два приятеля и семейство почтенных помещиков, старики родители с молодой девушкой дочерью.

Молодые люди знали друг друга по соседству, но не были знакомы между собою, и вдруг ночью девушка приходит в комнату незнакомого человека и отдается ему, чтобы не отдавать своей девственности нелюбимому, за которого ее принуждают выйти родители».

Тургенев подробно рассказал, как несчастная шла по коридору, замирая от ужаса, как поражен был неожиданностью молодой человек... По некоторым штрихам в нем можно было предположить самого Тургенева.

— Ну, а что же родители? — с возмущением спросила я.

Тургенев усмехнулся.

— Родители, как и полагается родителям, спали, разумеется, сном праведников.

Мы ко многому привыкли и прислушались в настоящее время, но тогда мне не легко было выслушать этот рассказ.

Я его слушала, чтобы не заслужить упрека в pruderie ** со стороны Тургенева. Он так настойчиво и убедительно говорил, что не следует никогда говорить «писательница». Есть «писатель», все равно женщина или мужчина, и у каждого писателя есть муза.

Под конец своего последнего пребывания в Петербурге Иван Сергеевич два раза был недоволен мною. В первый раз он передал мне через Топорова приглашение прийти пообедать у него в меблированных комнатах на Морской. Он хотел заказать хозяину хороший обед, а мне пришлось отказаться от приглашения. У меня был свой раньше приглашен-

* А. В. Топоров — близкий знакомый, в последние годы поверенный в делах Тургенева (примеч. автора).

** излишней щепетильности (франц.).

Л. Ф. НЕЛИДОВА

Фотография Тиле и Опитца.

Москва, 1870-е годы

Литературный музей, Москва

ный гость, молодой профессор психиатр, вдвойне интересный, как недавно выпущенный из тюремного заключения¹⁵.

Через Топорова я объяснила все это Ивану Сергеевичу и все же на другой день чувствовала следы неудовольствия, когда, расспрашивая меня о молодом госте, Тургенев сказал:

— Хорошо еще, что пришел. А то ведь эти нынешние господа... им ничего не стоит заставить ждать себя и не прийти, и не потрудиться дать знать.

— Нет, этот не такой, — оправдывалась я, защищая отсутствующего. — И вообразите себе, как интересно: сидя в одиночном заключении, в крепости, почти два года, он боялся, что совсем разучится смеяться и нарочно заставлял себя хохотать. Да, придумывал для себя разные смешные вещи и нарочно хохотал громко, на всю свою камеру. Сторожа заглядывали к нему в окошко, думали, что он, пожалуй, сошел с ума, а он теперь думает, что это может быть его спасло.

— Его спасло, а нас с Александром Васильевичем лишило удовольствия пообедать с вами, — все еще не сдаваясь, говорил Тургенев. — Поедемте как-нибудь литературной компанией в ресторан. Какие есть у вас тут хорошие рестораны? Нет, не Палкина конечно, а что-нибудь получше! Идет?

— Кто же поедет? — спросила я.

Тургенев начал считать:

— Вы, я, Топоров, Полонский, Григорович... Пожалуй и довольно.

— А Жозефина Антоновна?

— Жозефина Антоновна не литератор.

— Без нее, одна, я не поеду, — решительно заявила я и, несмотря на все убеждения, отказалась наотрез.

«Эта москвичка со своими образами», — сосплетничал мне на другой день Топоров. — Теперь он так говорит о вас. И отчего в самом деле было не поехать! Кто знает, соберемся ли мы когда-нибудь еще в той же компании?

Он был прав, добрый Топоров. Это был последний раз, что мы встретились все в Петербурге.

Тургенев написал мне о своем приезде в Москву, и я виделась с ним в доме Удельного ведомства, в квартире его приятеля Маслова, у которого он останавливался. Он простил мне мои вины и усердно приглашал к себе в Спасское, куда ожидал М. Г. Савину¹⁶ и еще несколько человек гостей.

И опять мне приходилось отказываться. Причина была ничтожная и слишком важная для меня: у меня не было легкого туалета. Поездка в Петербург, самостоятельная жизнь в дорогой комнате, театры и концерты — все это поглотило все мои получения из «Вестника Европы». А других у меня не было. Тогда печатались мои «Воробьиные ночи»¹⁷.

Стасюлевич с обычной любовью дал аванс, но весь он был истрачен и не на что было не только возобновить, а даже сколько-нибудь основательно поправить легкое пальто, шляпу, платье. А там будет нарядная, изящная Савина, другие, тоже молодые женщины.

Впоследствии я не прощала себе своего малодушия, но тогда настояла на своем и отказалась ехать вместе с Иваном Сергеевичем. Я не знала тогда, что больше не увижу его, как не должна была больше через несколько лет увидеть и Гончарова, когда пришла читать ему газету в последний раз.

В моей личной жизни происходила важная перемена¹⁸. Я еще никому не говорила о ней, а только предупредила Ивана Александровича, что уезжаю в Москву и ему придется найти кого-нибудь другого, чтоб заменить меня.

Известие это произвело неприятное впечатление. Главное в жизни было спокойствие, а тут нужно было опять просить, узнавать, привыкать к новому лицу. Это было несносно и затруднительно.

Как всегда я дочитала номер «Нового времени» до той минуты, когда дверь во внутренние комнаты отворилась без стука и худая, гладко причесанная женщина проговорила:

— Кушать пожалуйста! Суп остынет.

Я сочла нужным сообщить ей о своем отъезде и была поражена переменой в ее лице. Некрасивое бледное лицо вдруг преобразилось. Она всегда сама провожала меня в переднюю, сама подавала шубку молча, со строгим видом следила за мной, как я застегивала пуговицы.

На этот раз она бросилась мне помогать, сама застегивала, желала счастливого пути и застать в добром здоровье моих родственников.

— Что с нею? Откуда такая перемена? — невольно думала я и вдруг поняла:

«Несчастливая! Да она, должно быть, опасалась, ревновала меня все время. Невероятно, но, по-видимому, это так! И теперь радуется, что я уезжаю».

Эти мысли ни разу не приходили мне в голову.

Я не помню имени женщины в черной кофточке¹⁹. Как-то раз мне случилось спросить о ней Полонских. Мне отвечали, что она ведет хозяйство Ивана Александровича и ведет его хорошо.

— У него не будет висеть неделя сорвавшаяся штора поперек окна, как у Тургенева, — говорила Полонская. — А что у нее на уме, кто же это может знать! Он воспитывает ее троих детей после смерти отца — не то своего камердинера, не то мелкого чиновника. Думаю, что никаких других отношений между ними нет и не может быть. Не такой он человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из стихотворения В. А. Жуковского «Воспоминание» (1821). Стихи приведены не вполне точно.

² Глава «Сон Обломова» включалась в хрестоматию: 1) «Полная русская хрестоматия». Сост. А. Г а л а х о в. Изд. 9, с переменами. Ч. 2, «Сочинения поэтические». СПб., 1861; 2) «Русская хрестоматия для высших классов средних учебных заведений». Сост. Андрей Ф и л о н о в. Изд. 2, исправленное и дополненное. Т. 1, «Эпическая поэзия». СПб., 1864.

³ Ни в печати, ни в рукописи повесть «Княжна Шаговская» неизвестна.

⁴ «Крымскими очерками» Нелидова называет «Письма из Феодосии» («Вестник Европы», 1880, № 5). В письме к Нелидовой от 14/26 мая 1880 г. Тургенев весьма высоко отзывался о «Письмах»: «Они написаны отличным языком, Стасюлевич от них в восторге, публике они несомненно понравятся...» И тут же Тургенев упрекнул ее в следовании гончаровской манере письма: «Тот же профессорский образцовый стиль, та же скромная и сдержанная, но сознательная виртуозность, то же постоянное присутствие какого-то грустно улыбающегося мудреца, уже седого, но увенчанного розами...» (Тургенев, Письма, т. XII, кн. 2, с. 254).

⁵ Имеется в виду начало 1883 г. (зима 1882/83 г.).

⁶ «Маленькие письма» — постоянная рубрика в «Новом времени», в которой с фельетонами выступали разные авторы.

⁷ За подписью «Л. Н.» Нелидова опубликовала в «Вестнике Европы» две повести — «Полоса» (1879, № 10) и «Воробьиные ночи» (1881, № 5—7). Первая «детская книга» Нелидовой — рассказ «Девочка Лида» (1876, второе издание — 1894, третье — 1910). В 1905 г. она выпустила сборник рассказов для детей «Радость».

⁸ В бумагах Нелидовой сохранилось 14 писем к ней Я. П. Полонского (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 248). В них есть много упоминаний о «пятницах» и их посетителях.

⁹ Рассказ «Единственный случай» был напечатан: «Вестник Европы», 1882, № 4.

¹⁰ За участие в народнической пропаганде А. Н. Энгельгардт был выслан в 1871 г. в родовое имение Батицево, Смоленской губ., где и прожил до конца своих дней, занимаясь ведением опытного сельского хозяйства. Его «Письма из деревни» печатались в «Отечественных записках» в 1878—1882 годах. Первое отдельное издание вышло в Петербурге в 1882 г. Анна Николаевна Энгельгардт (рожд. Макарова, 1835—1903) — писательница, переводчица.

¹¹ Вильгельмина Ивановна Рааб (1848—1917) — русская оперная певица (сопрано). С 1871 по 1885 г. была артисткой Мариинского театра в Петербурге.

¹² Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

¹³ Слово skeleton (скелет) в английской поговорке, которую буквально переводит Нелидова, имеет значение: неприятность.

¹⁴ И. А. Г о н ч а р о в. Четыре очерка. СПб., 1881. В эту книгу вошли: «Литературный вечер», «Милльон терзаний», «Заметки о личности Белинского», «Лучше поздно, чем никогда».

¹⁵ Имя этого профессора-психиатра установить не удалось.

¹⁶ Приезд М. Г. Савиной в Спасское летом 1880 г. не состоялся, ввиду занятости артистки на гастролях. Она посетила Спасское в июле 1881 г.

¹⁷ Нелидова ошибается, приурочивая печатание повести «Воробьиные ночи» к 1880 г. Повесть была напечатана в 1881 г. (см. выше примеч. 7).

¹⁸ «Важная перемена» — второе замужество Нелидовой. В 1885 г. она вышла замуж за Алексея Николаевича Маклакова (1838—1905), профессора-окулиста, главного врача Глазной клиники Московского университета.

¹⁹ Александра Ивановна Трейгут (ум. 1917) — вдова слуги Гончарова, продолжавшая служить у него после смерти мужа в качестве экономки. Гончаров воспитал и дал образование трем ее детям — Александру, Василию и Елене.